

УДК 81'42
ББК 82.1-3

Т.И. Яковенко

ИРОНИЯ КАК ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Рассматривается ирония как имплицитное содержание онимических единиц. Подчеркивается, что ирония является содержательной концептуальной категорией текста, позволяющей автору имплицитно выразить не только свои интенции, но и мировоззренческую позицию в целом. Особо выделяется факт, что для того чтобы расшифровать имплицитный смысл высказывания с включенным онимом, необходимы определенные экстралингвистические знания.

Ключевые слова: *оним, ирония, импликация, имплицитный, имя собственное, аллюзия, антономасия, антифразис, коннотация.*

Яковенко Татьяна Игоревна – ассистент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8-961-308-28-08
E-mail: qwerk2005@yandex.ru

© Яковенко Т.И., 2011 г.

В качестве тропа ирония была представлена уже в античных риториках: ее описывали Аристотель, ученик Аристотеля Феофаст, Цицерон, Квинтилиан и др. Как вид комического, ирония тесно связана с другими категориями данной эстетической формы – гротеском, парадоксом, пародией, остроумием, юмором, насмешкой. Причем ирония нередко требует для своей реализации этих категорий эстетического ряда – гротеска, парадокса, пародии как необходимого условия, при котором она может состояться. Ирония, в отличие, например, от насмешки характеризуется завуалированностью: критичность и колкость в ней затемнены, но в то же время граничат с пренебрежительностью и отрицательной оценкой объекта иронии, его действий или качеств. При этом иронизирующий как бы дистанцируется от объекта иронии и косвенным образом демонстрирует свое превосходство. Хотя ирония дискредитирует объект, ироническое высказывание не в такой степени неприятно адресату, чем прямое, имеющее то же значение (*Да, ты славный труженик! и Ты лентяй!*). Иронический смысл представляет собой ситуативную импликатуру – вывод, к которому реципиент приходит в ходе прагматической интерпретации прагматического высказывания в коммуникации.

Лингвистика изучает языковые (в том числе и имплицитные) средства выражения иронии, однако совершенно правомерна при интерпретации иронии опора на данные иных гуманитарных наук – эстетики, психологии, философии, логики.

Итак, ирония, даже в самых тривиальных случаях, не является очевидной (ср. ее традиционное определение как «**скрытой** насмешки», которое содержится еще у М.В. Ломоносова: «ирония есть, когда через то, что сказываем, противное разумеем»). Недаром столь частотны уточняющие вопросы (*Ты иронизируешь?*) или оговорки типа *Я говорю без иронии*. Ирония, подобно метафоре, оценочна, но если в метафоре оценка на поверхности, в «наземной» части фигуры, поскольку коннотации связаны с ее прямым, буквальным значением и метафора лишь реализует эти коннотации (ср. магистральный для многих языков путь метафоризации зоонимов, имеющих запрограммированную либо отрицательную оценку – *змея, свинья, осел*, либо положительную – *лебедь, лань, ласточка*), то оценка, выражаемая иронией, имплицитна.

Иронический речевой акт является сложной речевой реализацией иллокутивная сила которой порождается в результате взаимодействия иллокутивной силы простого речевого акта с ироническим намерением говорящего. По сравнению с косвенным речевым актом (в узком понимании), иронический речевой акт характеризуется большей сложностью и неоднозначностью. Высказывание *Ты гений!* в разных ситуациях может иметь имплицитный смысл от '*Ты глупец* (идиот и т.п.)' до '*Ты неглуп*' – когда высказывание содержит ироническое преувеличение положительной оценки [Kerbat-Orecchioni, s. 291 – 299]. Но в любом случае высказывания типа *He's a genius* в прямом значении, непосредственно вытекающем из общеязыкового содержания, используется редко, поскольку выражает чрезвычайно высокую степень положительной оценки. А в случаях с использованием имени гения (типа *Цицерон!*, *Ты прямо Цицерон!*) в определенном контексте заведомо формируется ироническое значение.

Стилистическая функция иронии связана не столько с информативностью, сколько с эмоционально-эстетической оценкой объекта. Ироническое высказывание позволяет выразить большую гамму чувств в одной реплике.

Известны различные типы иронии: притворно-грубая, доброжелательно-шутливая, легкая, тонкая, язвительная, презрительная, осуждающая и т.п. Все эти оттенки формируются в условиях микро- и макроконтраксте. Думаем, что ирония с использованием имени собственного, скорее, тяготеет к доброжелательному типу, который обусловлен именованием положительного прототипа.

Как пишет О.П. Ермакова «иронии подвластны все слова и все типы значений (включая и метафорические) всех частей речи: знаменательных и местоименных, самостоятельных и служебных (частицы), а также модальных» [Ермакова, с. 179], т. е. каждое слово может использоваться иронически. Ироническую коннотацию приобретает имя героини комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» *Софья*. Если в литературе классицизма имя определяет и тип героя, и отношение автора к нему (у Д.И. Фонвизина *Правдин, Милон, Стародум* и *Софья* – положительные персонажи), то у А.С. Грибоедова «мудрая» *Софья* (именно таков бук-

вальный смысл имени, фиксируемый во всех именниках) оказывается жестоко обманутой.

Ср. в рассказе Натальи Толстой:

«И сегодня людям не дает покоя наша фамилия.

Сдаю белье в прачечную.

- Как фамилия? – спрашивает приемщица.

- Я же написала в квитанции – Толстая.

Женщина перестает считать наволочки.

- Толстой – это кто, Горький?

Ее начитанная напарница выходит ко мне из-за перегородки.

- Скажите, а правда, что Алексей Толстой – это псевдоним? Как его на самом деле звали?

Мне хочется ответить: “Настоящая фамилия Чехов, а по матери – Достоевский”. Я расплачиваюсь и ухожу, потому что больше не могу отвечать на такие вопросы.» (Н. Толстая «Не называя фамилий»).

О роли иронии размышлял М.М. Бахтин: «Ирония вошла во все языки нового времени (особенно французский). Вошла во все слова и формы (особенно синтаксические, ирония, например, разрушила громоздкую «выспреннюю» периодичность речи). Ирония есть повсюду – от минимальной, неощутимой, до громкой, граничащей со смехом. Человек нового времени не вещает, а говорит, то есть говорит оговорочно. <...> Язык Пушкина – это именно такой, пронизанный иронией (в разной степени), оговорочный язык нашего времени». [Бахтин, с. 336].

Еще более возросла роль иронии в XX в. Ср.: «Иронию можно рассматривать в качестве одной из фундаментальных особенностей художественного языка XX века, так как иронический принцип, понятый как принцип дистанцирования от непосредственно высказанного, принцип неуверенности в возможности прямого высказывания является конститутивной чертой мышления XX века» [Золотарева, с. 355]. В ситуации, когда проблемой становится внутренняя убежденность (без воздействия стереотипов и идеологий), аутентичность высказывания, ироническое высказывание становится доминирующим. Ср. многочисленные случаи развенчивания идеологических мифов посредством иронии. В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина фиксируют жаргонно-просторечные фразеологизмы: *послать на БАМ* ‘выругать кого-л.’, *Маркс твою Энгельс* ‘выражение досады, раздражения’, *ленинские места* – ‘ягодицы, зад, половые органы’ [Мокиенко, Никитина, с. 81]. Ср.: «Один иностранец сказал мне: “Знаешь, почему так трудно понимать русские тексты? В них слишком много скрытого юмора. Ну, что вы за люди такие, все время шутите, все время иронизируете”. Я пожал плечами, а про себя подумал, что это уже как-то автоматически получается. Инерция приема» [Кронгауз, с. 144]. Иронический речевой акт является системным речевым актом, отсылающим к особой системе знаний об ироническом типе общения. Существует особая речевая «ироническая конвенция» – свод правил, регулирующих нормативную ироническую коммуникацию. Во многих пособиях по риторике указываются этические ограничения на использование иронии

в обществе в целом или в отдельных социальных группах, а также и говорится об уместном и эффективном использовании иронии в меняющихся ситуациях общения.

В современных российских СМИ сформировался особый прием (совершенно невозможный прежде, в условиях тоталитарного строя) передачи ироничного отношения к известным в стране людям (прежде всего – к политикам и даже первым лицам государства) с помощью аббревиатурного обозначения: БАБ – ‘Борис Абрамович Березовский’, ВВП – ‘Владимир Владимирович Путин’. Ср.:

«ВВП. В новоязе “нулевых” эта аббревиатура имеет сразу два значения: валовой внутренний продукт и Владимир Владимирович Путин. Оба словосочетания связаны неразрывно. Именно ВВП одушевленный весной 2003-го в послании Федеральному Собранию ввел ВВП неодушевленный в обиход. Была поставлена приоритетная для страны задача – “догнать и перегнать” показатели Советского Союза, а в идеале – удвоить ВВП за ближайшие десять лет. По итогам 2006-го Россия по показателям ВВП занимала 9-е место – у нас он в 7,5 раз ниже американского.» (Журнал для авиапассажиров, 2007, № 8. С. 68)

«Действующего хозяина Кремля сокращенно прозвали ВВП (Владимир Владимирович Путин), и все его правление прошло под знаком роста ВВП (Валовой Внутренний Продукт). Теперь в лексикон власти входит аббревиатура ДАМ (Дмитрий Анатольевич Медведев). Что бы это значило – государство со своего нефтегазового плеча щедро одарит народ социальными доходами? А может, с новой силой даст по шапке заокеанским империалистам? Или ДАМ – гарантия скорого возврата власти тому, кто по Конституции вынужден ее сейчас уступить?» (Аргументы и факты, 2007, № 52)

Аббревиатуру из слов «Ельцин», «Белый дом», «Свобода» – ЕБЕЛ-ДОС – ввел в обиход журналист А. Невзоров. См. подробнее: [Токарь, 2008а, с. 15]. Более популярна до сих пор используемая пейоративная аббревиатура ЕБН – ‘Ельцин Борис Николаевич’.

Э.К. Токарь приводит метафорические (в том числе – с использованием прецедентных антропонимов) наименования В.В. Путина (*Бонапарт, ВВП, Вице-Собчак, Владимир Бонапарт, Владимир – не Красное Солнышко, Пастор Шлаг, Русский Бонапарт, Путиночет, Распутин*) и Дж. Буша (*The Bushinator, Dubya, Dumbo, The Great Divider, Gush, King George, King George II, Liberator of Baghdad*), извлеченные из медийных источников. [Токарь, 2008б, с. 6 – 7]

Интенциональное имплицирование, как пишет Е.В. Овсянникова, всегда является свидетельством ментально-языковой игры говорящего посредством вовлечения в эту игру слушающего [Овсянникова, с. 11 – 12]. Общение на уровне имплицатур относят к более престижному виду вербальной коммуникации. Адресант стимулирует умственную деятельность адресата. Реципиент получает информацию неполную. При этом предполагается определенный уровень интеллекта у адресата (ср.

известное выражение о том, что писать остроумно значит предполагать ум и у читателя).

В создание иронического контекста активно вовлекаются и маркировочные обозначения. Так, к маркировке «Запорожец» фиксируются не только вполне предсказуемый вариант на основе усечения и игры с омонимом – «Запор», но также ироническое наименование – *Боинг*. Ср. также:

«Lukoil поставил бензозаправку в Сочи. Ну просто Shell! А возле нее коровы пасутся, лежат выменем прямо на бензиновом асфальте.» (М. Задорнов «Язычник эры Водолея»).

«Господь курит “Marlboro VIP’s” и ездит по небу на Lamborghini “The God” 2009 года выпуска. Ибо Он Бог. Господь может спуститься к нам, но не может, подобно нам, опуститься до Gucci, Calvin Klein и Cartier. Ибо все это носит Петр.» (Е. Шестаков «Дополнительные сведения о боге № 2»).

Ирония нередко реализуется через антифразис, ср.:

«– Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один?

– Я думал...

Ах, вы думали? Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Жан Жак Руссо? Марк Аврелий?» (И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок»).

Интеллектуальные качества (точнее – их отсутствие) у Шуры Балаганова охарактеризованы с помощью антифразиса – комического сопоставления с великими философами и мыслителями. Это яркий пример большей действенности и силы именно имплицитного способа выражения необходимого автору смысла. Неожиданное сравнение, реализуемое в сочинительной конструкции, в теории элокуции получило название синойкиозис. Нередко эта фигура речи используется для выражения сарказма:

«Еще один великий слепой выискался – Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания!» (И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок»).

В «Общей риторике» Т.Г. Хазагеров и Л.С. Шириной подчеркивается имплицитный (с опорой на подтекст) характер антифразиса и особый интонационный контур: «Антифразис – троп, основанный на отношениях контраста и состоящий в употреблении слова в значении, противоположном обычному, в сочетании с особым интонационным контуром и с опорой на подтекст или текст, помогающий понять истинное значение сказанного». [Хазагеров, Ширина, с. 207] Ср. оценку (с помощью антифразиса) персонажем своих неумелых коллег:

*«Эх вы, **шерлоки**! Хмыри болотные! – весело подумал он»* (В. Богомолов «В августе сорок четвертого»);

*«С той минуты, когда гражданин вступает в полосу отчуждения, которую он по-дилетантски называет вокзалом или станцией, жизнь его резко меняется. Сейчас же к нему подсказывают **Ермаки Тимофеевичи***

в белых передниках с никелированными бляхами на сердце и услужливо подхватывают багаж.» (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Рассмотрение антифразиса в качестве разновидности иронии имеет давнюю традицию. Так, еще А.И. Галич в своей работе «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук», 1830, указывает на пять видов иронии, среди которых и антифразис, «называющий вещь не тем именем, которое ей присвоено, а совершенно противоположным». (Цит. по: [Эффективная коммуникация..., с. 381]). В «Общей риторике» Ж. Дюбуа и др. говорится, что «антифразис отличается от иронии лишь в очень малой степени» и эта позиция никак не проясняется. [Общая риторика, с. 252]. Ср. также в современной диссертационной работе положение о том, что антифразис относится к способам выражения иронии, поскольку лексические единицы здесь употребляются в смысле, противоположном их словарному значению [Жаров]. Или ср.: «Антифразис делает речь ироничной. Собственно, ирония это и есть развернутый антифразис» [Хазагеров, с. 126].

К антифразису близки случаи, когда наименование положительного прототипа соединяется с отрицательным атрибутом:

*«Верить почти некому – критическая когорта у нас какая-то странная, По отдельности общаешься – разные. Подчас самобытно-интересные личности. Попадают даже грамотные. Но стоит им собраться вместе – моментально образуется "клубок". Безапелляционность и витиеватые издевательства. Эти пираньи пера в газетной соревновательности превращаются в мелких насекомых на многострадальном лобке театрального организма. Это молодая "критическая мысль". А старики, чтобы не быть выкинутыми из театрального процесса, вынуждены становиться **желчными Пименами** истории сплетен советского театроведения.»* (А. Ширвиндт «Schirwindt, стертый с лица земли»).

«Употребление слова в прямо противоположном значении (с соответствующей интонацией или в контексте, позволяющем это понять) называется антифразисом. Можно, например, дурака назвать мудрецом. Механизм действия антифразиса основан на том, что слова могут ассоциироваться не только по сходству и смежности, но и по контрасту.» [Хазагеров, с. 125 – 126]. То есть, в основе антифразиса – контрастное переименование, а не сопоставление слов с контрастной семантикой. Антифразис основан на стремлении выделить наиболее важную часть информации, которая связана с носителем имени собственного, и обобщить ее, но одновременно сохранить индивидуальные и наиболее яркие моменты, содержащиеся во всем объеме такой информации, т.е. антифразис выступает в качестве важного средства передачи имплицитных смыслов. Ср. комический потенциал антифразиса в комических определениях:

«Николай Викторович Басков – популярное карузо для чайников. Эксплуатирует образ упитанного соловья. Блондинк.»

«Мария Юрьевна Шарапова – Кинг-конг пинг-понга. Обута головой в большой шлем.» (Е. Шестаков «Кто есть кто в России»).

Ср. также антифразис в качестве композиционной основы пародии А. Иванова «Мы с Платоном».

Основой для пародии послужили такие строки:

«Для счастья людям нужно очень мало:

Глоток любви, сто граммов идеала...

Платон мне друг,

А истина...чревата...

Пить или не пить противоречья яд?»

(А. Пчелкин).

«Глаза однажды разлепив со стоном,

Решили счастья мы испить с Платоном.

Платон мне друг,

Но истина дороже...

В чем истина – видать по нашим рожам <...>

Мы нахлебались

Счастья до отвала.

И, задремав в обнимку, словно с братом,

Платон во сне

Меня назвал Сократом.»

Как писал Р. Барт [1989], имя есть своего рода инструмент обмена, позволяющий заместить определенную совокупность черт соответствующей номинативной единицы. Неслучайно многими исследователями отмечается, что аллюзивное использование имени собственного в составе антономасии или антифразиса отражает систему актуальных понятий, пристрастия своего времени, сам дух и колорит эпохи.

Итак, ирония является содержательной концептуальной категорией текста, позволяющей автору имплицитно выразить не только свои интенции, но и мировоззренческую позицию в целом. Наличие в ироническом высказывании двух планов — эксплицитного и имплицитного — справедливо подчеркивается многими исследователями. В изолированном употреблении они не обладают иронической насыщенностью (вообще узואльно закрепленный иронический смысл свойствен немногим языковым единицам, главным образом — нарицательным). Ирония — тот случай, когда высказывание с положительной оценкой вступает в конфликт с «предзнанием» об объекте оценки или с «постзнанием», выводимым из иронического высказывания (текста). Одна из основных функций иронии состоит в передаче скрытой субъективной оценки, как правило, пейоративного характера. Чтобы расшифровать имплицитный смысл высказывания с включенным онимом, необходимы определенные экстралингвистические знания. Актуализация иронической модальности осуществляется в сложном стилистическом контексте, так как в ее формировании участвуют единицы различных уровней.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М.М. Бахтин. М., 1979.
- Ермакова О.С.* Ирония среди тропов // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007.
- Жаров В.Е.* Прагматический аспект стилистических средств выражения иронии в синтагматике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Золотарева С.А.* Ирония как деструкция знака // Русский язык и активные процессы в современной речи : материалы всерос. науч.-практ. конф. М., 2003.
- Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Фразеология в контексте субкультуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М., 1999.
- Общая риторика* / Ж. Дюбуа [и др.]; пер. с франц. Е.Э. Разлоговой и Б.П. Нарумова. М., 1986.
- Овсянникова Е.В.* Основные функции имплицитных смыслов в высказываниях и текстах (на материале англоязычной прозы). СПб., 1993.
- Токарь Э.К.* Средства косвенной оценки в политическом дискурсе конца XX – начала XXI в. (на материале русского и английского языков) : словарь. Краснодар, 2008а.
- Токарь Э.К.* Средства косвенной оценки в политическом дискурсе конца XX – начала XXI в. (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008б.
- Хазагеров Г.Г.* Политическая риторика. М., 2002.
- Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.* Общая риторика : курс лекций. Словарь риторических фигур : 2-е изд. Ростов н/Д., 1999.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика* : словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов. М., 2005.
- Kerbat-Orecchion, C.* Ironia jako trop // Ironia. Slovo/obraz terytoria. Gdańsk, 2002.